

ОБЗОРЫ

*Анна Борисенкова**

Герменевтические проекты в социологии (на примере работ Ю. Хабермаса и П. Рикера)

«Диспуту о методе» в социологии уже более ста лет. Несмотря на деактуализацию эпистемологической проблематики постулатом П. Фейерабенда «anything goes» и предложением Р. Рорти уравнивать социальные науки с литературой, религией и даже простым разговором, в конце XX века по-прежнему предпринимались попытки осмыслить природу и логику социологии, ее отличие от «наук о природе» и «наук о духе». Среди метатеоретических рассуждений, нацеленных на прояснение научного статуса социологии, выделяются работы, авторы которых обращаются к ресурсам философской герменевтики. У. Аутвейт, Э. Гидденс, Дж. Б. Томпсон отмечают, что ученым следует сфокусировать внимание на герменевтическом измерении социальных исследований, что путем последовательного изучения истолковывающего характера социологии можно открыть секрет ее непохожести на другие науки [9; 12; 15].

В данной работе мы рассмотрим, каким образом связь между социологией и герменевтикой прослеживается в теоретических проектах Ю. Хабермаса и П. Рикера. С одной стороны, эти проекты принципиально различаются (исходное понятие герменевтики в каждом случае наделено особым смыслом, что позволяет выявить два способа представления герменевтики в современной философии и социальной теории), с другой – их объединяет признание герменевтических черт социологии.

К проблеме определения герменевтики

Относительно предмета герменевтической интерпретации существуют некоторые разногласия. Единое место рассуждений – выделение *языка* как предмета истолкования (такой позиции придерживаются теоретики герменевтики Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ю. Хабермас). Однако исследователи называют различные проявления языка, которые надлежит интерпретировать. Герменевтика Гадамера, обращаясь к языку, проясняет фундаментальные основы социального и исторического опыта [4]. Герменевтика Хабермаса, имеет дело с речевыми высказываниями участников коммуникативной ситуации [6]. С точки зрения Рикера, предмет герменевтики – не непосредственные высказывания, а тексты, представляющие собой «формы дискурса, зафиксированные материально и передаваемые посредством операций прочтения» [5].

Ключевые для герменевтики понятия – «понимание», «интерпретация» и «герменевтический круг». Согласно Рикеру, цель герменевтической процедуры состоит в понимании предмета истолкования [5, с. 3]. Понимание представляет собой овладение смыслами, которые другой человек вкладывает в собственные высказывания или тексты. Интерпретация же является способом достижения понимания, это работа с «внешними проявлениями» субъективности – текстами или высказываниями. «Герменевтический круг» – понятие, описывающее процесс понимания текста интерпретатором. Целое текста или высказывания понимается исходя из частей, а части, в свою очередь, становятся понятными

* Борисенкова Анна Валентиновна – младший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ.

© Борисенкова Анна, 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

тогда, когда понятно целое. Так, интерпретатор истолковывает, двигаясь «по кругу»: от целого к части и наоборот.

Герменевтика долго не могла занять места в социальных науках, и споры относительно ее определения и предназначения продолжаются по сей день. По словам Хабермаса, в 1967 году, впервые выдвинув тезис о том, что социальным наукам не следовало бы оставлять без внимания герменевтическое измерение исследований, он «столкнулся с возражениями двоякого рода. В одних настоятельно подчеркивалось, что герменевтика вовсе не является делом методологии...Философская герменевтика ставит себе задачей прояснить обычные процессы понимания, а не систематические подходы или методы сбора и анализа данных. Согласно возражениям другого рода, с интерпретацией не связаны никакие общие проблемы, а только частные, которые можно преодолеть применением обычной исследовательской техники» [6, с. 35]. Подобные высказывания во многом объясняются изменениями статуса и предназначения герменевтики на протяжении истории ее становления как философского направления.

Выражение «герменевтика» (греч. – *hermeneuein* – интерпретировать, переводить) в античности обозначало искусство толкования или экзегезы. В философской терминологии оно закрепилось только в XVII веке. «В 1629-1630 годах "герменевтика" впервые фигурировала в качестве понятия в лекциях страбургского профессора Й.К. Даннхауэра об аристотелевской логике и риторике. Понятие окончательно утвердилось в связи с выходом в 1654 году книги Даннхауэра "*Hermeneutica sacra sive methodus exponendarum sacra literarum proposita et vindicata*"» (Сакральная герменевтика или метод толкования священных канонизированных текстов) [8, р. 73]. До начала XIX века было принято выделять два вида герменевтики – сакральную и профанную (*hermeneutica sacra* и *hermeneutica profana*). В первом случае герменевтика относилась к теологии и определялась как совокупность методов интерпретации библейских текстов; во втором – была частью филологии и имела дело с самыми разными типами текстов.

Статус философского направления герменевтика получила благодаря Ф. Шлейермахеру, который отказался от ее различения на сакральную и профанную и заявил, что интерпретация вербальных и зафиксированных материально текстов – задача общей герменевтики¹. На развитие же герменевтики как способа исторического и социального познания (путем интуитивного, иррационального проникновения сознания читателя в сознание автора текста через внешнее выражение – знаки) оказал влияние В. Дильтей. По его мнению, интерпретация и понимание лежат в основе всего гуманитарного знания, соответственно, герменевтика должна стать общей методологией «наук о духе».

Особое значение для рассуждений о «научности» герменевтики имеет философская программа Гадамера, которая, в свою очередь, сформировалась под сильным влиянием философии Хайдеггера. Согласно Хабермасу, такое видение герменевтики послужило поводом для возражений со стороны социальных исследователей против установления связи между теорией интерпретации и социальными науками.

В философии Хайдеггера герменевтика приобретает онтологическое измерение. Герменевтика как всеохватывающее понимание – основополагающая характеристика человеческого существования. Хайдеггер описывает бытие (*Dasein*) как истолковывающее само себя и не нуждающееся в субъекте-интерпретаторе (субъект уже растворен в нем) [7]. Онтологизация герменевтики теперь исключает эпистемологические размышления Дильтея об интерпретации как способе исторического и социального познания, а также исследования Шлейермахера, посвященные специфике интерпретации текстов. В схожем направлении рассуждает Гадамер, полагающий, что «герменевтический аспект не может ограничиваться

¹ Шлейермахер выделял две стороны интерпретации: объективную (грамматическую) и субъективную (психологическую). Грамматическая сторона – сравнительный анализ различных значений того или иного слова с целью установления значения в данном контексте. Психологическая – «угадывание» значений слов, попытка проникнуть в замысел автора. Первостепенным значением Шлейермахер наделял именно грамматическую аналитическую процедуру, «угадывание» является лишь ее дополнением [4, с. 346].

"герменевтическими науками" – искусством, историей, не может ограничиваться общением с "текстами": универсальность герменевтической проблемы относится к совокупности всего разумного...» [4, с. 14].

Герменевтика в теории Гадамера уже ни в коей мере не связана с методами работы с текстом. Она становится универсальной философией, поскольку языком оформлен любой возможный человеческий опыт. «Язык есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира... Мир для нас всегда уже мир, истолкованный в языке» [12, с. 29]. «Естественно, – замечает Гадамер, – это не значит, что любой опыт осуществляется в речи и через говорение, – слишком хорошо известно, что непосредственная затронутость миром очень часто выражается во всевозможных до и заязыковых озарениях, немотствованиях и умолчаниях, и кто будет отрицать, что реальные условия человеческой жизни, голод и любовь, труд и власть, в свою очередь, отмеряют пространство, в котором совершаются разговор друг с другом, слушание друг друга» [4, с. 13]. Герменевтика, проясняющая языковые основы человеческого опыта, выступает здесь в качестве фундаментального способа участия людей в мире.

Гадамер подчеркивает, что «герменевтический опыт – это опыт коммуникации, непрекращающегося диалога» [13, р. 222]. Основная задача герменевтики – поиск общего языка между взаимодействующими людьми. «Именно тогда, когда это представляется невозможным, когда люди говорят на разных языках, герменевтическая задача и встает со всей серьезностью» [4, с. 14]. Более того, процесс коммуникации, попытка понять Другого, преследует определенную цель – встречное движение людей друг к другу, полное взаимопонимание и конечную «социальную интеграцию» [13, р. 223]. Взаимопонимание – это не только достижение общего взгляда на вещи или овладение смыслами другого человека, но и «встреча» с иной традицией. Социальная интеграция становится возможной благодаря слиянию традиций, к которым принадлежат взаимодействующие люди.

Герменевтика Гадамера (в отличие от программы Дильтея) не предлагает социальным и гуманитарным наукам новой методологии. Как замечает У. Аутвейт, «Гадамер не предлагает никакого метода, но он и “не против него”, как в случае П. Фейерабенда» [12, р. 64]. Скорее, он указывает на процессы, предшествующие любому опыту, в том числе научному. Любая наука (математическая, естественная, гуманитарная, социальная), как и обыденное знание, представлена языком, поэтому ее основания нуждаются в последовательном истолковании.

Не будет преувеличением сказать, что ни одно из рассмотренных представлений о герменевтике не закрепилось в социальных науках и, в частности, в социологии. Герменевтика, какой ее видел Шлейермахер, ориентирована на «проникновение» в тексты и их исследование с помощью психологической и аналитической процедур. Психологизм Шлейермахера не мог быть принят доминировавшим на протяжении долгого времени в социальных науках позитивистским подходом. Но, на наш взгляд, более существенен тот факт, что у герменевтики Шлейермахера и социологии нет общего предмета. Тексты являются, скорее, единицами, а не предметом социологического исследования. По сути, они отсылают социальных ученых к интересующим их данным. В них содержится социологически значимая информация (об организации повседневной жизни, социальных группах и их интересах и т. д.), которую ученый-социолог выявляет с помощью различных методов. При этом композиция, «грамматика» текста, всевозможные проявления текстуальной реальности выносятся за скобки. Для ранней герменевтики, напротив, текст – это не только форма, наполненная интересующей интерпретатора информацией, а непосредственно предмет исследования, содержащий напряжение и проблему.

Герменевтика Дильтея (выносящая на первый план операцию «вчувствования», проникновения в сознание другого человека) не оказала заметного влияния на социальные науки, ориентированные позитивистски. Она не была принята и теми социальными учеными, которые, хотя и ставили во главу угла проблему понимания, в то же время подчеркивали необходимость рациональной позиции по отношению к предмету исследования. Так,

М. Вебер отмечает, что «понимание связи мотивов, причин действий всегда надлежит подвергать контролю с помощью обычных методов каузального сведения», рациональных методов конструирования «идеальных типов» [2, с. 377].

Напротив, универсальная герменевтика Гадамера является значимым теоретическим ресурсом для социальной теории. Его рассуждения о языковой основе социального опыта и диалогических свойствах социальной реальности оказали сильное влияние на построения Гидденса и Хабермаса. Опираясь на теоретические исследования Гадамера, Гидденс заявляет, что понимание (*Verstehen*) стоит рассматривать не как метод познания, а как принцип существования социальной реальности: процессы понимания суть онтологическое условие жизни человека в обществе [9]. Хабермас под влиянием философии Гадамера развивает концепцию «жизненного мира» (*Lebenswelt*) и теорию коммуникативного действия. Однако и Гидденс, и Хабермас указывают на весьма спорную, с точки зрения социологии, особенность универсальной герменевтики Гадамера. В философии Гадамера нет места рефлексивной позиции наблюдателя социального мира. Он оставляет в стороне проблему ученого, изучающего эту языковую диалогическую реальность. Более того, как замечает Хабермас, «Гадамер понимал "метод" как нечто противоположное истине; истины можно достичь только благодаря отработанной и продуманной практике понимания» [6, с. 46]. Между процедурой понимания, осуществляемой философом, и пониманием, к которому постоянно прибегает обыватель, нет существенной разницы.

Социология же не растворяет наблюдателя в «наблюдаемом». Уделяя значение смыслам, продуцируемым социальными агентами, она, тем не менее, создает собственное описание происходящего, производит собственные смыслы. Исходя из подобных соображений, Гидденс предлагает модель двойной герменевтики – «пересечение двух оснований значений – значений социального мира и значений метаязыков, изобретенных социологами, между которыми происходит "постоянное соскальзывание" от одного к другому, включенное в социологическую практику» [9]. Герменевтика Гадамера, по мнению Хабермаса, «является в лучшем случае искусством – в отношении науки это взрывная сила, которая разрушает любой систематический подход» [6, с. 35].

Теоретические проекты Хабермаса и Рикера решают две задачи. С одной стороны, они последовательно обосновывают необходимость интерпретативных процедур в социологии и отмечают, что у социологии и герменевтики есть общий предмет изучения, с другой – выявляют в своих герменевтических проектах ту рефлексивную исследовательскую установку, которой нет в универсальной герменевтике Гадамера.

Рациональные предпосылки интерпретации. Проблема герменевтики в социальной эпистемологии Ю. Хабермаса

Герменевтика в теоретическом проекте Хабермаса выступает как программа исследования языковых высказываний, используемых участниками социального взаимодействия с тем, чтобы достичь понимания того или иного вопроса или «общего взгляда на вещи». Как отмечает Хабермас, «герменевтика имеет дело сразу с тройным отношением высказывания, которое служит, во-первых, выражением намерений говорящего, во-вторых, выражением межличностного отношения, устанавливаемого между говорящим и слушателем, и, в третьих, выражением, в котором говорится о чем-то, имеющем место в мире. Кроме того, при попытке прояснить значение того или иного языкового выражения мы сталкиваемся с отношением между данным высказыванием и совокупностью всех возможных высказываний, которые могут быть сформулированы в том же самом языке» [6, с. 40]².

² На эти рассуждения Хабермаса значительное влияние оказали подходы лингвистических философов Л. Витгенштейна и П. Уинча. Однако поскольку здесь Хабермас исследует проблему герменевтики, а не «языка» и «значения», мы не будем рассматривать понятия, заимствованные из лингвистической философии.

Приведем пример, иллюстрирующий рассуждения Хабермаса. Некто говорит: «Я вчера стал свидетелем, как г-н N написал свою фамилию на чужом тексте и представил его как собственную статью». Согласно Хабермасу, как таковое высказывание о факте плагиата не является предметом интереса интерпретатора. Пожалуй, изучением простых высказываний, описывающих факты, занялся бы социолог-позитивист. Чтобы высказывание оказалось в фокусе внимания толкователя, оно должно быть сообщено *кому-то другому*. С точки зрения интерпретатора, говорящий, находясь в ситуации коммуникации со слушателем, выражает собственное мнение по поводу этой ситуации и прилагает определенные усилия, чтобы слушатель *понял*, что имеется в виду, и они оба пришли к консенсусу. Кроме того, по замечанию Хабермаса, «когда говорящий высказывается о чем-либо в рамках повседневного контекста, он вступает в отношение не только к чему-то наличествующему в объективном мире (как совокупности того, что имеет или могло бы иметь место), но еще и к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательно регулируемых межличностных отношений) и в собственном, субъективном мире (как совокупности манифестируемых переживаний, к которым он имеет привилегированный доступ)» [6, с. 40].

Таким образом, предметом герменевтического рассмотрения становятся сообщение о чем-то, ситуация коммуникации, а также вся совокупность общепринятых допущений, символических значений и практик, в которые коммуникация вплетена. Вернемся к нашему примеру. Для интерпретатора имеют значение все нормативные допущения, связанные с плагиатом в данном сообществе (случаи, в которых прямое заимствование из чужих работ допускается; меры наказания, принятые в конкретной социальной группе), практики плагиата (типичные способы использования чужих работ), а также личный опыт участников диалога, связанный с этой проблемой.

В отличие от герменевтики Гадамера, герменевтика Хабермаса способна не только проникнуть в суть повседневных коммуникаций, понять их, но и стать значимым дополнением объективистских методов при исследовании социальной реальности. «Доступ к социальным фактам, – считает Хабермас, – достигается путем понимания смыслов, а вовсе не наблюдения. Проверка гипотез при формулировании общих законов в эмпирико-аналитических исследованиях находит поддержку именно здесь, в процедурах интерпретации» [10, р. 309]. Важно заметить, что Хабермас не сводит социологию к «понимающей социологии». По его мнению, задача социологии – производство номологического знания. И, тем не менее, он намерен соединить объективистский подход с герменевтическим.

Поясним разницу между так называемым объективистским подходом и герменевтическим, или интерпретативным. Главное различие заключается в исследовательской позиции. В первом случае исследователь – *наблюдатель* социальной реальности. Его позиция ничем не отличается от позиции ученого, изучающего под микроскопом инфузорию-туфельку. Наблюдаемое – объект, предоставляющий необходимую информацию для построения или подтверждения имеющихся гипотез. Наблюдатель держится на определенной дистанции по отношению к объекту изучения (место, занимаемое наблюдателем, отлично от места изучаемого взаимодействия). Во втором случае исследователь (хотя ему с трудом можно дать такое определение) – *участник* социального взаимодействия, вступающий в тот самый требующий полного сосредоточения диалог, о котором рассуждает Гадамер. Субъекты, чьи высказывания подвергаются истолкованию, и сам интерпретатор – равные партнеры по социальному процессу.

С точки зрения достоверности получаемого знания, интерпретация, по сравнению с наблюдением, имеет свои плюсы и минусы. Согласно Хабермасу, перед интерпретатором встает проблема контекстной зависимости интерпретаций. Нет никакой уверенности, что он и его собеседник исходят из одних и тех же допущений и практик. В частности, могут ли собеседники быть уверены, что под плагиатом они подразумевают одно и то же? Для одного плагиат может являться символом падения науки как социального института, воплощением

академической бесчестности. Для другого заимствование чужих фрагментов текста (без ссылок на источник) – настолько привычный способ составления исследовательских отчетов, что он уже не считает этот поступок аморальным. Третий участник разговора страдает «криптомнезией»: запоминает чужие высказывания и фрагменты текстов, использует их, но моментально об этом забывает. Он считает эти поступки проявлением врожденного заболевания, поэтому ни себя, ни других в плагиате никогда обвинять не будет. Только проясняя подобные подробности во время беседы, интерпретатор овладевает смысловым контекстом, иначе понимание всех высказываний остается ему недоступным. Наблюдатель не ставит проблему в таком ключе: он изначально дистанцируется от своего объекта.

Хабермас отмечает: «так как знание, которое мы применяем, когда кому-либо что-либо говорим, является более объемлющим, чем строго пропозициональное знание, интерпретаторы должны овладеть знанием, притязающим на более широкую значимость. Поэтому корректное толкование не просто истинно, оно совпадает со значением интерпретируемого, соответствует ему или его эксплицирует» [6, с. 44]. Однако, в отличие от позитивистского знания, знание, получаемое путем интерпретации, вовсе не претендует на ценностную нейтральность. Интерпретатор, участвующий в коммуникационном процессе, выражает свое мнение по отношению к обсуждаемым событиям наравне с остальными участниками. Его интерпретации впоследствии содержат как ценностные суждения его собеседников, так и его собственную точку зрения. Можно предположить, что в условиях живой коммуникации «свобода от оценки», о которой рассуждает М. Вебер, практически недостижима.

Тем не менее Хабермас указывает на преимущество герменевтических процедур, которое должно быть использовано в социологии. Речь идет о рациональных предпосылках интерпретации и такой функции герменевтики, как рациональная реконструкция.

По словам Хабермаса, интерпретатор, несмотря на потерю ценностной нейтральности и зависимость от смыслового контекста, все же имеет возможность обеспечить себе исследовательскую позицию. Движимый единственной целью – пониманием того, что говорит ему собеседник, он будет истолковывать один контекст за другим, пока ему не станет понятной позиция другого субъекта. Когда она становится «понятной»?

Позиция субъекта становится понятной тогда, когда «основания субъекта выглядят *рациональными* в глазах интерпретатора (курсив мой. – А.Б.)» [6, с. 49]. Субъект во время диалога прибегает к высказываниям, представляющим собой объяснения, описания, предсказания, оценки. Задача интерпретатора, согласно Хабермасу, выявить те изначальные представления, системы правил, допущения, на которых основаны высказывания. Эти базовые допущения в большинстве случаев не вербализуются, поскольку субъект высказывания может предполагать, что они общеизвестны, являются само собой разумеющимися в сообществе. Именно общепринятые основания являются залогом «имманентной рациональности», присущей высказыванию [6, с. 50].

В случае если высказывания субъекта кажутся интерпретатору рациональными, операция истолкования не потребует много усилий. Если же интерпретатору непонятны высказывания говорящего, ему потребуется совершить несколько операций истолкования, пока «не будет понятно, как эта темнота возникла, то есть, почему те основания, которые мог бы привести автор в своем контексте, не столь безоговорочно ясны и убедительны» [6, с. 51].

Согласно Хабермасу, все операции интерпретации рациональны по своей природе, поскольку в процессе понимания интерпретатор сам принимает во внимание стандарты рациональности, которые он рассматривает как обязательные для всех участников взаимодействия. Предполагается, что эти стандарты должны быть общими для всех присутствующих и потенциальных участников коммуникации. Операция выявления исходных допущений, норм и обыденного непроблематичного знания получает у Хабермаса название «рациональное реконструирование». Конечно, Хабермас допускает, что, во-первых, «ссылка интерпретатора на якобы универсальные стандарты рациональности еще не является доказательством разумности предполагаемых стандартов» [6, с. 51]. Но все же он заявляет о

некой основополагающей «интуиции», подсказывающей всем участникам взаимодействия, какие высказывания можно считать истинными и рациональными, а какие нет. Во-вторых, Хабермас признает, что рациональные реконструкции представляют собой лишь более или менее правдоподобные гипотезы. Но они позволяют получить сведения, недоступные при наблюдении, когда исследователь занимает объективистскую позицию. Рациональные реконструкции служат значимым дополнением различных эмпирических методов, применяемых в социальных науках, в частности, в социологии.

Хабермас, в отличие от Гадамера, определяет герменевтику как методологическую программу в рамках социальных наук. Она не является самостоятельной: герменевтические приемы должны применяться лишь в совокупности с другими методами социальных исследований. Тем не менее последовательное рациональное реконструирование позволяет прояснить те значимые составляющие социальной жизни, которые невозможно изучить с помощью эмпирических генерализаций. С этой точки зрения, социология получает незаменимый исследовательский инструмент. Делая акцент на рациональных предпосылках интерпретации, Хабермас оставляет в социальной герменевтике ту рефлексивную составляющую, которой не достаёт универсальной философии Гадамера, чтобы стать эпистемологическим обоснованием социальных исследований³.

Теория интерпретации Рикера: от герменевтики текста к герменевтике действия

Если Хабермас строит свое повествование о месте герменевтики в социологии на критике философского проекта Гадамера (в свою очередь, заимствуя у него некоторые принципы рассуждения), то Рикер возвращается к иным традициям герменевтики в философии – программам Шлейермахера и Дильтея. Его главные тезисы заключаются в том, что социология и герменевтика имеют общий предмет исследования и методология герменевтической интерпретации может быть использована в социологии.

Согласно Рикеру, герменевтика имеет дело не с вербальными высказываниями участников коммуникативной ситуации, а с текстами. Здесь он выступает как последователь Шлейермахера, но, в отличие от него приписывает тексту больший концептуальный потенциал, наделяя текстуальными чертами не только сами тексты, но и предмет изучения социальной науки – действие. «Макс Вебер, – пишет Рикер, – определяет предмет своего исследования как понятное по смыслу поведение людей. Можем ли мы заменить определение “понятное по смыслу” на “прочитываемое”?» [14, p.97]. Возможно ли применение схемы описания текста к анализу смыслового действия?

Повторим, что текст в проекте Рикера выступает как материально зафиксированная форма дискурса. Под самим дискурсом подразумевается «язык в действии» или «язык в употреблении» [14, p. 92]. Дискурс является частью структуралистской дихотомии, производной от различения Ф. де Соссюром понятий речи и языка: «дискурс и лингвистическая структура» или «язык в употреблении и язык как статичная семиотическая

³ Отмечая способность герменевтики к выявлению исходных правил, допущений и представлений социального взаимодействия, Хабермас признает также ее критическую функцию. Здесь он рассуждает как представитель Франкфуртской школы. Интерпретатор-герменевт, рассматривая язык как социальное взаимодействие, должен подвергать критике язык как инструмент власти. «Вполне разумно, – пишет Хабермас, – рассматривать язык как некое сверх-установление, от которого зависят социальные институты и на которое ориентируется действие в повседневной коммуникации. Но сама языковая традиция зачастую определяется социальными процессами, зачастую не являющимися нормативными. Язык может выступать как инструмент господства и социальной власти... Герменевтика, вскрывающая подобную зависимость языка, превращается в критику идеологии» [11, цит. по: 12, p. 74]. Здесь вновь происходит столкновение взглядов Хабермаса и Гадамера. Предмет спора – место традиции, авторитета и «предрассудка» в познании. Согласно Гадамеру, неосознаваемые предпосылки (предрассудки), закрепленные в языковой традиции, в принципе, не элиминируемы из сознания. Рефлексия их не отменяет. Хабермас же настаивает на том, что рефлексия способна осуществить критическую работу, избавляющую человека от ложного сознания [4, с. 344]. Критическая герменевтика, с точки зрения Хабермаса, должна прояснять основания не только повседневного, но и научного знания, обращать рефлексивный взгляд на основания науки с тем, чтобы она не смогла стать источником контроля и идеологии.

система». Дискурс темпорален, имеет место в настоящем времени, в ситуации «здесь-и-сейчас», тогда как семиотическая система находится вне времени. Дискурс непосредственно связан с говорящим в настоящий момент субъектом (он по определению кем-то производится), так что вопрос «Кто говорит?» по отношению к дискурсу не является релевантным, он изначально самореферентен. Наконец, дискурс всегда обращен к кому-то другому. В отличие от неживой системы знаков, он совершается в ситуации взаимодействия.

При экстерииоризации живого дискурса, превращении в текст изменяются его основополагающие качества. Во-первых, исчезает темпоральность. Представим обычную ситуацию коммуникации двух людей. По прошествии некоторого времени каждый из них записывает свои воспоминания о прошедшем разговоре. Согласно Рикеру, зафиксирована будет вовсе не сама речь, обладающая некой длительностью, а ее *смысл*. Конечно, нельзя утверждать, что записанное воспоминание лишено какого-то бы ни было временного измерения. В любом случае можно отметить время начала написания текста и его завершения. Событие фиксации дискурса займет свое место в хронологии других событий, релевантных для автора. Тем не менее запись будет лишена живой временности, которую Рикер и определяет как темпоральность.

Во-вторых, экстерииоризация дискурса приводит к дистанцированию от производящего его субъекта. Иными словами, смысл текста, запечатленный на некоем материале, отделяется от интенции своего автора. Ранее текст был неотделим от нее, а теперь он автономизируется, превращаясь в самостоятельное смысловое единство. Отныне для понимания изначальных интенций автора требуется интерпретация, процедура раскрытия его замысла.

В-третьих, текст утрачивает причастность к ситуации «здесь-и-сейчас». Как отмечает Рикер, мир непосредственно взаимодействующих (Umwelt) превращается в мир (Welt), отсылающий нас к многообразию ситуаций опосредованного взаимодействия текста и различных читателей. Теперь текст обращен не только к присутствующим слушателям (как в случае устного дискурса), а к разнообразной аудитории, предлагающей столь же многообразные интерпретации его смысла.

По мнению Рикера, текстуализация (превращение в текст) живого дискурса – весьма сомнительный помощник нашей памяти, неспособной удержать происходящее. Текст утрачивает важные дискурсивные особенности. «Сравнение текста и живой речи, – пишет Рикер, – подобно сравнению представления о воспламеняющихся предметах с бумагой, горящей в настоящий момент в моей руке» [14, р 96]. И все же текст остается одним из основных хранителей смыслов, разделяемых тем или иным сообществом.

Что касается действия, то оно становится предметом научного исследования при условии его «запечатления», фиксации, во многом схожей с экстерииоризацией дискурса. Под «запечатлением» Рикер подразумевает выдвижение на первый план *смысла* действия, а не его непосредственного протекания. Став объектом рефлексии, действие утрачивает живую временность, или темпоральность, оставшись в прошедшем времени, приобретает смысл.

В поствитгенштейнианской философии действия (работах Э. Энского, Р. Тейлора, А. Мелдона), с точки зрения Рикера, поставлена, но не решена очень важная проблема – двойственность языковых игр. С одной стороны, исследуя человеческое действие, мы не можем не принять участие в «обыденной языковой игре». В таком случае мы рассуждаем о действии в категориях целей и мотивов. С другой стороны, мы действуем по правилам «научной языковой игры». Тогда мы исключаем рассуждения в категориях целей и мотивов в пользу анализа причинно-следственных отношений между действиями. Причина выступает в качестве внешнего antecedenta действия. Исследование в этом случае подобно исследованию событий природного мира. Рассмотрение же действия как смыслового, прошедшего этап «запечатления» по аналогии с фиксацией текста, по мнению Рикера, позволяет преодолеть данную двойственность. Мы сможем изучать его одновременно с точки зрения его смысла и с позиции внешних связей с предшествующими и последующими действиями.

Оказавшись «запечатленным», действие, как и дискурс, автономизируется, то есть отделяется от производящего его субъекта. «Это происходит, – замечает Рикер, – потому что наши действия “сбегают” от нас, они порой приводят к результатам, которые мы не могли ожидать» [14, р. 101]. Действие, наделенное смыслом, занимает свое место в ряду свершившихся событий и действий. Интенциональность совершившего его субъекта уже не столь важна, действие оставляет свой «след» в череде иных действий и событий. Данную характеристику Рикер определяет как социальное измерение. Понимание социального действия Рикером расходится с представлением М. Вебера. Однако он все же следует за Вебером, в частности, отмечая важность построения идеальных типов при исследовании действия и использования процедур каузального вменения. Но если Вебер указывает на субъективно полагаемый смысл действия, то у Рикера оно в момент совершения движимо интенцией актора, впоследствии интенция «исчезает», а смысл действию неким образом вменяется. Кроме того, социальным Вебер называет действие, «которое по предполагаемому действующим лицом или лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него» [3, с.453]. Социальность действия в этом случае субъективно полагаема. У Рикера социальное – нечто внешнее, на котором действие «запечатлевается», аналогично новой отметке на календаре.

Наконец, по мнению Рикера, действие, приобретая смысл, более не причастно к ситуации его совершения «здесь-и-сейчас». Оно направлено не на конкретного человека, а открыто для всех желающих его проинтерпретировать.

Таким образом, Рикер обосновывает родство социальных наук, в частности, социологии и герменевтики. Их объединяет сходство предмета исследования. Но Рикер идет дальше. «Если текст может заинтересовать социальные науки, – пишет он, – то почему бы социальным наукам не использовать герменевтические методы?» [14, р. 103]. Социальные науки, тесно взаимодействуя с герменевтикой, решают одну из основных методологических проблем – *соотношение понимания и объяснения*.

«Конфликт между пониманием и объяснением, – рассуждает Рикер, – принимает форму настоящей дихотомии с того момента, как начинают соотносить две противостоящие друг другу позиции с двумя различными сферами реальности: природой и духом. Тем самым, противоположность выражений “понимать” и “объяснять” восстанавливает противоположность природы и духа, как она представлена в так называемых науках о природе и науках о духе» [5, с. 12]. Наблюдаемые природные факты мы объясняем (используя каузальную, генетическую и структурную модели объяснения), а исторические, культурные, социальные явления, согласно Дильтею, стремимся «понять, пережить и вчувствоваться» в них [5, с. 12]. Следуя этой логике, мы могли бы только «вчувствоваться» в тексты и действия, не являющиеся природными фактами, а этот способ познания с трудом можно назвать научным.

Рассмотрение смыслового действия по аналогии с текстом позволяет избежать этой крайности и преодолеть противоречие «обыденной и научной» языковых игр прежде всего потому, что благодаря отделению смысла действия от изначальной интенции актора мы можем квалифицировать процедуру понимания не как попытку иррационального проникновения в субъективный мир актора, «вчувствования», а как интерпретирующие постижение, истолкование его смысла.

Для понимания смыслового действия, согласно Рикеру, можно использовать процедуры интерпретации, аналогичные приемам, используемым при работе с текстами. Интерпретация представляет собой проверку различных версий на правдоподобие. Процедура напоминает способ поиска причин деяния и установления вины в юриспруденции. М. Вебер определяет ее как каузальное вменение: «мы, исходя из реальных каузальных компонентов события, мысленно представляем себе один или некоторые из них определенным образом измененными и задаем вопрос, следует ли при измененных таким образом условиях ждать тождественного в “существенных пунктах” или какого-либо иного результата» [1, с. 359]. По этому же принципу, когда обнаруживаются возможные причины

действия, сравниваются между собой и выбираются наиболее вероятные, по мнению Рикера, можно открывать смысл, который актер изначально вкладывал в действие (автор вкладывал в текст), сравнивая гипотезы, выбирая одни и фальсифицируя другие.

Рикер признает, что данная процедура сильно отличается от методов объяснения в «науках о природе». Однако ее можно назвать научной. К тому же, она все-таки прибегает к генерализациям. «Мы расчлняем событие на его компоненты до той степени, которая позволит подвести каждый из них под определенное “эмпирическое правило” и тем самым установить, какого результата можно “было бы ожидать” в соответствии с эмпирическим правилом от каждого компонента, если бы все остальные выступали в качестве условий» [1, с. 361]. Проверя интерпретации, мы подводим их под правило «всегда происходит так».

Данные процедуры интерпретации, направленные на понимание смыслов, общие для герменевтики и социологии. Социология, имеющая дело с человеческими поступками, не может игнорировать смыслы, которые люди вкладывают в свои действия и которыми их наделяют окружающие. Приемы истолкования, рассматриваемые в таком ключе, позволяют избежать ограниченности дихотомии «объяснение и понимание». Здесь в процедурах интерпретации может быть реализован принцип Рикера: «больше объяснять, чтобы лучше понимать» [5, с. 18].

В то же время нельзя утверждать, что сама идея преодоления дихотомии «объяснения и понимания» в социальных науках нова. М. Вебер задолго до Рикера дал определение социологии: «наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие» [3, с. 453]. Тем не менее теоретическая ценность проекта Рикера состоит в том, что он открывает перед социологией перспективы применения текстуальной логики анализа при изучении действия. Теперь социолог истолковывает смыслы действий подобно интерпретатору, работающему с текстами, используя приемы герменевтического круга и применяя герменевтические способы проверки гипотез. Хотя проекту Рикера предстоит выдержать немало критических замечаний, связанных с концептуализацией социального действия, он претендует на своеобразный синтез методов истолкования текстов и социологического анализа действия. На наш взгляд, в этом синтезе заложены обещающие перспективы.

Подведем итоги. Согласно Рикеру и Хабермасу, герменевтика занимает центральное место в социологии. По мнению Хабермаса, герменевтические приемы, основная функция которых заключается в рациональном реконструировании исходных допущений, норм и практик участников коммуникативной ситуации, являются значимым исследовательским инструментом социолога. Этот инструмент может быть использован в качестве дополнения генерализующих методов при изучении социальной реальности.

Теория интерпретации Рикера предполагает применение в социологии текстуальной логики анализа действия. В результате, социология приобретает теоретико-методологическую программу, делающую возможным рассмотрение смыслового действия как текста и одновременно использование герменевтических приемов в социальном исследовании.

И Хабермас, и Рикер оставляют герменевтике исследовательскую позицию, которая позволяет не сводить герменевтические приемы к сомнительной процедуре «вчувствования» или обыденным процессам понимания (как в случае универсальной герменевтики Гадамера). Благодаря рефлексивной установке интерпретатора герменевтика может выступить в качестве теоретико-методологического основания социальных исследований.

Этим обзором возможные перспективы соединения социологии и герменевтики не исчерпываются, а лишь намечаются. Для утверждения герменевтического характера социологии требуется внимательное рассмотрение гораздо большего круга источников. Тем не менее незавершенность данных выводов оставляет открытыми горизонты последующих теоретических решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Под ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Под ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2006.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Под ред. С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2006.
4. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под ред. В.С. Малахова. М: Искусство, 1991.
5. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // П. Рикер. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АО «КАМИ» - Изд.центр Academia, 1995.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб: Наука, 2006.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Республика, 1993.
8. *Birus H. Hermeneutics Today. Some Skeptical Remarks // New German Critique. 1987. № 42.*
9. *Giddens A. New Rules of Sociological Method. A Positive Critique of Interpretative Sociologies. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.*
10. *Habermas J. Knowledge and Human Interests / Tr. By J. Shapiro. Boston: Beacon Press, 1971.*
11. *Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. Frankfurt: Suhrkamp, 1971.*
12. *Outhwaite W. New philosophies of social science. Realism, Hermeneutics and Critical Theory / Ed. by A. Giddens. L.: The Macmillan Press LTD, 1993.*
13. *Ricoeur P. The Conflict of Interpretations: Debate with Hans-Georg Gadamer // A Ricoeur reader: Reflection and imagination. Toronto: Harvester Wheatsheaf, 1991.*
14. *Ricoeur P. The model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text // New Literary History. 1973. Vol. 5. № 1.*
15. *Thompson J.B. Critical Hermeneutics. A study in the thought of Paul Ricoeur and Jurgen Habermas. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*